

УДК 94(470.41)

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ НАРОДА: ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И МАТЕРИАЛОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ

И.И. Ханипова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
ihanipova@mail.ru*

Разрабатывая проблему формирования и репрезентации прошлого, механизмов трансформации памяти о прошедших событиях как в индивидуальном, так и в массовом сознании, современные исследователи обращают все большее внимание на материалы устной истории.

В статье проанализировано значение материалов oral history и документов личного происхождения в изучении истории Великой Отечественной войны. Автор считает, что инициативное документирование является незаменимым источником для написания истории в «человеческом измерении», прекрасной возможностью коммеморации памятных событий времен войны. Отражая индивидуальность рассказчиков, их культурные ценности и миропонимание/мировоззрение, а также конкретно-исторические условия, сформировавшие индивидуальные взгляды на мир, материалы устной истории демонстрируют образы и явления прошлого, ставшие социально значимыми для тех или иных поколений, несут фактологическую и оценочную информацию. Через глубинные интервью с участниками событий исследователь актуализирует и лично значимые, и социально важные воспоминания, преобразуя их в культурно-исторические ценности. Рассматривая потенциал данных источников, автор выявляет основные сюжеты и темы, перекликающиеся с военной проблематикой; обращает внимание на то, что они детально иллюстрируют частный мир человека. Особое значение, в связи с естественным уходом вслед за эпохой очевидцев и современников Великой Отечественной войны, автор уделяет аккумуляции и публикации воспоминаний, позволяющих сохранить глубину горизонтов исторической памяти. Несмотря на общее и различное в структуре и содержании конструируемых представлений о войне, он делает вывод, что все материалы устной истории являются важным вкладом в сохранение коллективной памяти народа.

Ключевые слова: Татарстан, Великая Отечественная война, устные исторические источники, эго-документы, историческая память, город, село, культура, дети, повседневная жизнь детей

Для цитирования: Ханипова И.И. Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 43–64. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.43-64>

Феномен изучения исторической памяти уже давно вышел из региональных рамок, поскольку воспринимается как общенациональный феномен исторической памяти российского народа. Сегодня, когда размышления над проблемой соотношения истории и памяти как никогда актуализированы (см. из последних работ: Сафронова 2019; Дементьев 2019), когда исследователи заявляют о междисциплинарном синтезе, «который позволил бы, наконец, сформировать целостный взгляд на взаимовлияние различных типов знания, формирующих представление о прошлом (Савельева 2003: 420), необходимо уделить особое внимание материалам oral history и источникам личного происхождения – важным составляющим в сохранении памяти народа.

Придерживаясь, как и многие отечественные исследователи феномена исторической памяти, концепции М. Хальбвакса, представляющей ее в виде социальной или групповой (коллективной) памяти (Хальбвакс 2005), при изучении воспоминаний татарстанцев о событиях Великой Отечественной войны, а также свидетельств устной истории, собранных у жителей республики или побывавших в Татарской АССР во время эвакуации, мы обратили внимание, что многие эпизоды личного характера часто имеют общественную значимость. Опыт анализа дневников, воспоминаний участников и детей войны, наработанный в региональной историографии Великой Отечественной войны (Кабилова 2014; Кабилова 2018; Ханипова 2015а; Ханипова 2015б), подтверждает эту точку зрения.

Интересны практики описания себя, своей истории не только в дневниковых записях, но и в предпринимаемых очевидцами событий мемуарах позднесоветского периода. Безусловно, конструируя прошлое, авторы эго-документов могут оглядываться на требования политической конъюнктуры либо идеологии, сознательно или в силу давности умалчивать о каких-то событиях, подвергать воспоминания внутренней цензуре. Вместе с тем, именно субъективность документов личного характера, позволяющая понять переживаемые автором рефлексии прошлого, демонстрирующая его особый (свой, частный) жизненный путь, предоставляют исследователю возможность использовать их для иллюстрации событий, эпохи. Так, немало описаний сражений, картин военной повседневности в опубликованных воспоминаниях рядовых солдат и офицеров (Живая память 2015; Когда мы были 2013; Этот день мы приближали 2010). Внимание читателя привлекают поступки человека на войне, поведенческие мотивы, собственные переживания о происходящем, особенно когда солдаты понимали, что распоряжения и приказы, выдаваемые на первых этапах войны, не со-

ответствовали оценке реальной действительности и зачастую приводили к окружению противником и гибели солдат (Живая память 2015: 18–20).

Прекрасной возможностью коммеморации памятных событий времен войны, является, на наш взгляд, инициативное документирование. Отражающие индивидуальность рассказчиков, их культурные ценности и миропонимание/мировоззрение, а также конкретно-исторические условия, сформировавшие индивидуальные взгляды на мир, материалы oral history достойны ретрансляции в социальную память о войне, поскольку являются незаменимым источником для написания истории в «человеческом измерении». Через глубинные интервью с участниками событий исследователь актуализирует и лично значимые, и социально важные воспоминания, преобразуя их в культурно-исторические ценности. К примеру, работая с информантами на протяжении многих лет, изучая рефлексию людей на столь памятное для многих послевоенных поколений событие – День Победы, невольно проводишь параллели с эмоциональным реагированием, связанным с этой датой в воспоминаниях детей войны, тружеников тыла и участников войны.

Соглашусь со справедливым замечанием Джеффри Олика о том, что «не бывает индивидуальной памяти без социального опыта, также как не бывает коллективной памяти без индивидуального участия в общественной жизни» (Олик 2018). Какой же опыт о войне транслируют источники личного происхождения и материалы устной истории?

Для многих одним из ярких воспоминаний детства являлось начало войны. «Я услышал слово «война» в день своего шестилетия – 23 июня 1941 года» (Недетское детство 2018: 31). В рассказах А.А. Орловой (Степановой) пережитые в детстве эмоции смешались с рефлексией более позднего времени, реальность – с уже позднее приобретенными знаниями: «Я помню люди шли и плакали. Провожали своих мужей молодые женщины, матери – своих сыновей 1920–1919 г.р., 1921–1924 г.р. Они все шли как в мясорубку. Люди шли, все плакали. Все говорили, что война началась, а мы дети маленькие. А люди идут и плачут: «Война, война!»» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)). Для многих детей военной поры, встретивших начало войны в раннем возрасте, восприятие этого события шло через призму рассказов старших: «С первых своих шагов я часто слышал из уст родителей, родственников, соседей для меня не очень понятное слово «война». Я воспринимал сначала это слово как плохое, а потом, когда чуть-чуть подрос, начал понимать, что война – это очень страшно. А что это великая и жесточайшая трагедия нашего государства – осознал лишь только через несколько лет, в школе. Боль и страдания людей до сих пор не покидают мое сердце и душу» (Недетское детство 2018: 73).

Ценность воспоминаний и материалов устной истории в том, что они детально иллюстрируют частный мир человека. Леонид Абрамович Барон, уроженец Винницы, дополняя свое повествование о дороге в эвакуацию воспоминаниями сестры Риты, говорил об условиях жизни в эвакуации в

Казани. В его памяти сохранились описания городского пространства, характеристика квартир, в которых жили эвакуированные. Мама Леонида работала в КАИ бухгалтером (современное первое здание). Садик был рядом с работой, она отвозила туда сына на санках без спинки. Когда мальчик падал с них, закутанный во все что можно, он не мог встать. «На руки надевали носки, т.к. варежек не было. Около детского сада был небольшой садик, ходили туда на прогулки». Особым эпизодом его воспоминаний стал вкус соли, которую во время праздника в садике выставили на стол, и дети кушали соль, макая в нее хлеб (ПМА 2013: Барон).

Вспоминая о войне и послевоенных годах А.Х. Хасанов – руководитель Пресс-центра Аппарата Президента Республики Татарстан в 1991–1999 гг., писал: «Эти четыре года и еще несколько лет мне запомнились как страшно голодные, холодные, полные бед и слез, бесконечных страданий. Хотелось есть всегда – утром, днем, вечером, ночью, на уроках, во время игр, посильной работы дома. Боже мой! Я видел опухших мужчин, женщин, детей, тех, кто еще надеялся на поправку, и тех, кто, потеряв надежду, смотрел вокруг себя опустевшим взглядом. Мы, дети, нередко из уст взрослых слышали, мол, вот те-то все ещё кушают, оказывается два раза в день, а мы вот столько времени только один раз. Ели-то две-три картошки, запивая чашкой молока. У многих запас картофеля заканчивался уже в марте месяце, и такие вынуждены были побираться. С наступлением весны, лета в пищу шли лебеда, коновник (конский щавель. – прим. авт.), липовый лист, крапива, борщевик, сныть, дикий лук. Не могу не сказать и о том, что мы – дети войны, с наступлением тепла и до первого снега ходили босиком, подошвы ног поэтому покрывались сплошными ранками, а ступни – кровоточащими цыпками. Чтобы они и дальше не травмировались, взрослые мазали наши ступни керосином. Даже сейчас от этих воспоминаний у меня сердце начинает бешено колотиться» (Недетское детство 2018: 31).

Отдельным сюжетом практически во всех рассказах и городских, и деревенских жителей всплывает тема эвакуированных, их быта, взаимоотношений местных с приезжими (ПМА 2013: Веревкина; ПМА 2012: Седлецкая; Живая память 2015: 72, 79; Живая память 2013: 44–47, 106 и др.). «Когда началась война, мне не было и двух лет, а брату Бинару (1937) – и четырех лет. Под одной крышей с нашей семьей, с нами вместе жили еще несколько семей. Видимо, они были откуда-то эвакуированы. Несмотря на тесноту, отсутствие элементарных бытовых условий, семьи жили дружно. Раздор не было» (Недетское детство 2018: 72). «У нас на квартире жили эвакуированные. Дом большой у нас был. Папа в лесничестве работал. Мы сами на кухне только жили. А жил у нас заведующий пекарней, хлеб где пекли. Он нам не платил денег, а приносил хлебушек, Он нам хлебушек приносил. За этот хлеб и жил. А мы на печке, да на полатях, да на полу. Мама неродная, сестра. ... Выручил нас дом свой и выручил огород. Земля кормит человека, земля нас спасла. Картошку насадим, хоть и маленькие

были, все делали. И картошку окучивать ходили, и копать ходили. Спасла нас картошка. И корова была, молочко свое. В городах люди с голоду пухли» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Близость железной дороги и возможность выбираться в город у жителей станции, где проживал автор предыдущего рассказа для того же обмена товаров или на заработки, облегчали в какой-то мере задачи жизнеобеспечения. Иное дело – жизнь в далеких глухих деревнях. «В деревнях был страшный голод. Я никогда не забуду женщину, которая обессиленная упала около наших ворот. Не знаю, как она дошла – вся распухшая, со стиснутыми зубами (оказывается, от голода люди пухнут). Соседи с большим трудом открыли ей рот и влили ковшик молока (обрат). К слову, даже тем, кто содержал живность, с молоком было трудно, потому что платили большие налоги, и всё увозили. Через некоторое время женщина открыла глаза, и мама положила ей в большую тарелку катык (моя мама держала корову) и ещё дала три запечённые картошки. Потом отвела её домой к детям, которые тоже голодали. Возможно, она и ушла от своего дома, чтобы дети не видели её состояние. Так что с трехлетнего возраста я видела, как люди пухнут от голода» (Недетское детство 2018: 68).

Судя по многочисленным интервью, опубликованным и неопубликованным воспоминаниям, дети оказывали значительную помощь «самоснабжению» семей. Уроженец с. Антоновка Куйбышевского (позднее Спасского) района В.П. Ганчурин писал: «Подспорьем в питании летом была рыбалка, которой занимались ребяташки (взрослым нельзя было этим заниматься, надо было работать в колхозе). Ловили рыбу в Бездне. Летом собирали грибы, в основном это были опята, за околицей деревни их было много. Ребяташки собирали в лесу малину, ежевику. Весной объедались черемухой – ели прямо на деревьях (недалеко от деревни, в Елохе). Собирали дикий лук – ели прямо в лесу, да и домой приносили» (Недетское детство 2018: 51). Уроженец с. Кугарчино Рыбно-Слободского района Г.М. Набиуллин 1938 г.р. также вспоминал о детском вкладе в экономику семьи. «С большим нетерпением мы ждали появления первой зелени, первых почек, листочков на деревьях. С весны до осени мы собирали съедобные травы: сныть, крапиву, лебеду, дикий лук. Кстати, дикий лук собирали мои сестры мешками в 10–15 км от дома, мы хранили его в погребе. Это было для нас хорошим подспорьем. Ждали также появления на полях и в лесу диких ягод» (Недетское детство 2018: 61). Свидетельства, приведенные Д.Т. Хайруллиной из д. Татарские Карамалы Сармановского района и повторяющиеся многие рассказы информантов и воспоминания детей войны, позволяют сказать, что в военные годы собирательство было повсеместным явлением. «Наша жизнь, наше детство не были беззаботной порой. В те времена мы, деревенские дети, были не совсем сытые и не совсем голодные. Мы целыми днями пропадали в лесу в поисках чего-то съестного, собирали разные травы, орехи, грибы, ходили за пять километров собирать дикий лук, ягоды всякие. Мы были самостоятельны. Нас

никто не ругал, так как никто не боялся, что мы потеряемся или с нами что-то случится. До сих пор не забыла, как с наступлением весны мы ждали появления первой зелени – тогда даже чуть-чуть проклюнувшаяся крапива, щавель, борщевик, любые листочки на кустах, деревьях казались необыкновенной вкуснятиной. В конце лета лакомились кислыми яблоками. Осенью ходили в лес заготавливать рябину и калину. Но самой большой вкуснятиной были конечно же мамины (искусно приготовленные, но только по исключительным событиям) картофельные лепешки. Несмотря на постоянное ощущение голода, мы росли и были бойкими, дерзкими, заступались друг за друга» (Недетское детство 2018: 61).

«Крапиву, лебеду мы ели, – рассказывала А.А. Орлова. – Из жмыха лепешки пекли. Все грузовые поезда останавливались тогда в Шемордане. Мы детишки таскали его, воровали тогда. Пойдешь, жмых принесешь – он тогда такими плитками был. Если подсолнечный – мама испечет лепешки. Ой, какие вкусные! А если горчичные, ой, какие горькие были, не хочется есть. Но ели. Вот что ели дети. Траву нарубят, муки бросят пару горсток. Сейчас свиньи есть не будут, что мы дети ели» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)). Такой же эпизод о жмыхе имеется в воспоминаниях известного казанского историка А.Л. Литвина: «Еще помню, как мы ребячьей ватагой бегали на вокзал, он был неподалеку от нашего дома. Там на дальних путях стояли платформы с кормовым жмыхом, подсолнечным или чечевичным. Мы набивали им карманы, клали за рубашку, после чечевичного жмыха, который надо было долго сосать, прежде чем начать жевать, зубы становились черными...» (Литвин 2013: 29–30).

Ценность вещей в условиях военного времени носила иное измерение, далекое от сложившихся смыслов и способов их использования в повседневном взаимодействии (Ечевская 2005: 59). Интересны эпизоды воспоминаний, рассказывавшие о практиках выживания как эвакуированных, так и местных жителей – горожан, основанных на продаже или обмене более-менее дорогих вещей на продукты питания. «Мое детство, как и многих тысяч моих сверстников пало на военные годы с их голодом, холодом, очередями за всем и вся. Первое, что продала мама – мою скрипку... По классу скрипки я проучился один год... Больше никогда я на скрипке не играл» (Литвин 2013: 27). З.Н. Чиликова вспоминала: «Во время войны мы в Казани голодали ужасно. Мама что могла, обменивала на еду. Домашняя мебель шла на отопление» (Музей детства 2011: 134). «...Страшнее всего был голод, – вспоминала В.Х. Ибнеева. Мама из сил выбивалась, чтобы нам добыть пропитание. Днем работала, а вечером выезжала в деревню, чтобы обменять что-нибудь на еду, возвращалась под утро и не отдохнув, опять шла на работу... Но несмотря на все усилия, есть было нечего» (Недетское детство 2018: 37–38). «Шла война – сундук пустел. Вещи носили в деревню и меняли у колхозников на картошку и молочные продукты», «Ездили с мамой по деревням, меняли одежду на еду» (Живая память 2013: 49, 73).

У эвакуированных обмен вещей на одежду начался еще во время дороги в эвакуацию. А.С. Шкуро 1938 г.р. вспоминал: «Иногда поезд стоял несколько дней, часто просто посреди степи. Люди расходились по окрестностям в надежде выменять что-нибудь из еды у местных жителей на свои какие-то вещи... Где-то мама раздобыла несколько пряников, и потом я рассказывал, что в пути было хорошо, нас кормили даже пряниками» (Живая память 2015: 94). Рассказывая о казанском периоде жизни, о своей бабушке-рукодельнице, умело вышивавшей и вязавшей кружево, Н.А. Буко с трепетом говорила об игрушках. «У меня в эвакуации был любимый пупс Петя, черненький, большой, ростом 30–40 см. ...Петя вернулся со мной обратно в Ленинград. Еще были куклы с закрывающимися глазами, особенно любимая Лида, но мы все поменяли на еду. Все что бабушка взяла с собой в эвакуацию, осталось в Казани, обменное на какую-то еду. На золото, например, можно было поменять муку» (Дети в условиях эвакуации 2013: 362).

Н.А. Буко демонстрирует кружево, выполненное ее бабушкой.
Санкт-Петербург, 6 декабря 2012 г. Архив И.И. Ханиповой

А.В. Фокин, уроженец г. Елабуга, сын кадрового военного к началу войны оказался в небольшом городке, расположенном в 13 километрах от румынской границы. На начало войны Аркадию было всего 2,5 года. Отец его, выходец из Челнинского кантона, успел отправить семью – жену и двух сыновей в тыл, в родные места – в Набережные Челны. «Сколько себя помню в детстве, вся жизнь походила на борьбу за выживание. К осени 1941 года дошёл (сначала поездом до Казани, а затем пароходом до Набережных Челнов) багаж с нашей домашней утварью. Не представляю, как бы мы выжили без него. Мы прибыли летом в том, что было на нас, а при-

ближалась зима. И всё, без чего можно было обойтись, в том числе отцовская одежда, шло на рынок, что в годы войны зачастую спасало от безденежья» (Недетское детство 2018: 55). «Все ценные вещи, которые отец смог привезти из Москвы во время переезда в Казань с заводом, – писал Г.К. Будников, – были обменены на продукты, в основном на муку и картофель» (Живая память 2015: 81).

В воспоминаниях современников военных лет не встречаются эпизоды о трудностях расставания с вещами. Наоборот, рассказчики всегда были благодарны, что проданная/обменная вещь спасала семью, позволяя ей продержаться еще какое-то время. Вместе с тем, оставшиеся со времен войны и бережно хранимые вещи, которые показывали нам информанты во время проведения интервью, несут для них непреходящую ценность, будь то старая алюминиевая миска, фамильные ложки или выдавший виды пластмассовый пупс.

Л.А. Барон с семейной реликвией – миской времен войны.
Казань, 26 февраля 2013 г. Архив И.И. Ханиповой

В воспоминаниях нашла отражение и военная повседневность университетского студенчества – условия учебы и быта, взаимоотношения, работа на лесоповалах, рытье траншей (Живая память 2015: 57–61, 63).

Учитывая, что в военные годы вся промышленность была ориентирована на военные нужды, а производство гражданской одежды полностью прекратилось, в контексте практик выживания можно рассматривать эпизоды, раскрывающие попытки женщин приспособить все возможное в качестве одежды. О своих подростковых переживаниях по поводу пальто из шерстяного одеяла писала жительница Казани Н.Э. Дубровина: «В классе ученики были одеты во все старье. Мама сшила мне пальто из грубошерстного синего одеяла с яркими желтыми полосками по краю. Они остались внизу по подолу пальто. Когда я появилась в классе в обновке, меня заметили все, ведь желтые полоски светились издали. Кто-то крикнул: «А пальто-то из одеяла!» И все начали громко смеяться. Домой я вернулась вся в слезах и наотрез отказалась это пальто надевать. Тогда мама отрезала желтые полосы, и получилась курточка, которую я с радостью носила» (Музей детства 2011: 125). Родившаяся в морозный декабрь 1941 г. Ф.Л. Ратнер (Гуревич) помнила свое раннее детство лишь по рассказам родственников: «Я спала в бельевой корзине, которая стояла на табуретке около печки – самом теплом месте дома. По фотографиям вижу свою одежду: все шилось из пайков (продовольственных и промтоварных) моих родственников. Поэтому – платье из фланели, но обязательно с каким-нибудь воротничком, сшитые самодельные «меховушки», т.к. пол всегда холодный... Мама носила пальто, сшитое из папиной шинели, перелицевав его» (Живая память 2015: 87, 90). Другой ребенок войны, попавший в Казань в эвакуацию, вспоминал, как спал на самодельном сундуке, сделанном отцом из ящиков для приборов, полученных заводом (Живая память 2015: 79).

Юная Роза, дочка сельской учительницы в подробностях помнит, как мама сшила ей за ночь кофточку из занавески еще довоенных времен, отделывавшей чуланчик. «Мягкая от старости, темно-синего цвета с мелкими цветочками» (Живая память 2013: 129). «Не помню, как мы тогда одевались с сестрой, во что. Но помню, как у мамы прохудились подшитые валенки, она подвязывала их веревкой так бежала на работу через весь город (жили мы в Суконной, а школа ее была у железнодорожного вокзала)», – вспоминала дочь одной из казанских учительниц (Живая память 2013: 118).

Нехватка промтоваров и товаров первой необходимости в деревнях Татарской АССР на протяжении 1930-х гг. сформировала бережливое отношение у сельчан к предметам одежды. Удивительна наблюдательность маленького деревенского ребенка, спросившего у матери почему солдаты, уезжавшие на войну, одеты во все старое. «Вскоре они наденут солдатскую одежду и изношенную одежду выбросят, а более новые вещи оставили сыновьям и братьям» (Живая память 2013: 139). Неприкосновенный шелковый галстук, оставшийся от погибшего на фронте мужа, разрешила в день Победы на банты для косичек мама Т. Ильинской (Живая память

2013: 170). Перелицовка и перешивка одежды была распространенным явлением и после войны (ПМА: Хакова; Живая память 2013: 152).

В некоторых воспоминаниях детей войны сохранились описания школьной повседневности: «Школу вскоре сделали мужской, девочек перевели в неподалеку расположенные 39-ю и 11-ю школы. Классы стали большими. В 5-м классе нас было 46 мальчиков. Всех учеников остригали наголо, каждые две недели вели в баню и санпропускник, там наше нижнее белье пропускали через баки с большой температурой для уничтожения вшей и прочей заразы. Среди учителей запомнились немногие. Это Ольга Михайловна Николаева, учительница истории... Учитель химии Петр Васильевич Мартынов был большой оригинал. Он вернулся с войны контуженным. Предмет свой знал блестяще. В отношениях с учениками казался грубым. Называл нас «зверятами африканскими», которые позорят «матушку-школу». В ответ класс смеялся и воспринимал его «оскорбления» как нечто забавное. Добрейшая Анна Сергеевна Петрова – учительница русского языка и литературы поражала нас отсутствием раздражения, учительской мстительности к нерадивым ученикам. Мы звали ее между собой Аннушка. Это были прекрасные учителя, жившие в непростых условиях войны и понимающие, каково тогда приходилось их ученикам» (Литвин 2013: 28, 30). О раздельном обучении, о том, что ребята, не имевшие возможности учиться в годы войны, получали школьное образование уже в послевоенное время, говорил и Л.А. Барон (ПМА 2013: Барон).

В мемуарной литературе сохранились свидетельства о том, как дети-школьники ходили помогать в казанские госпитали – писали за тяжелораненых письма, носили для них книги, устраивали концерты (Музей детства 2011: 7, 126–127, 131). Об этом же писала и дочь Е.А. Горбачевой, секретаря парторга Казанского эвакогоспиталя № 3645. «Мы, дети работников госпиталя, старались помогать родит[елям]. Мы писали письма для раненых, читали им вслух книги, статьи из газет, помогали убираться в палатах, водили раненых на лечение по кабинетам и просто выслушивали их рассказы о боях. Была организ[ована] художественная самодеятельность. Мы пели, танцевали, ставили пьесы о войне» (Воспоминания: Горбачева).

Описывая тяготы войны, очевидцы событий рассказывали и о других нагрузках, ложившихся на плечи школьников. Мальчишки и девчонки помимо учебы работали на кетгутном заводе (Литвин 2013: 29), чистили от снега железнодорожные пути (ПМА 2021: Орлова (Степанова)), разгружали баржи с дровами (Живая память 2013: 165), заготавливали и пилили дрова для школ, следили за соблюдением светомаскировки, выезжали на поля колхозов и совхозов и т.д. Вспоминая о старшей сестре Дильбар В.Х. Ибнеева отмечала: «Сестре, конечно, было тяжелее, чем нам, младшеньким, ее ежегодно привлекали еще школьницей работать на полях за железнодорожной линией Казани. Она у нас была самая умная и грамотная, однако у нее было только среднее образование, так как дальше учиться не было возможности. К ней со всей округи приходили женщины, что-

бы она написала письмо на фронт или заявление в какой-либо орган для разрешения их насущного вопроса, и совпадало так, что после ее заявления вопросы разрешались чаще всего положительно. Поэтому поток посетителей к нам не прекращался. Мы, малыши, тоже читали соседям письма с фронта, утешали их как могли» (Недетское детство 2018: 38).

Редкими эпизодами, в основном в памяти горожан, являются сюжеты о тимуровцах. Г.М. Давыдов, вспоминая об учебе в одной из школ в центре города (№ 15 – современная 18), рассказал об организации Ритой Горской тимуровского отряда – сплоченной группы ребят, которая ходила по казанским дворам, помогала пилить и колоть дрова, таскать воду с колонок, ухаживать за одинокими стариками, навещать раненых, доставленных с фронта, делать уборку в квартирах и даже ходить за хлебом. «В течение двух лет я тоже был активным тимуровцем» (Давыдов 2013).

Во многих повествованиях информантов, воспоминаниях детей войны, в первую очередь сельских жителей, рассказывается о ранней трудовой деятельности, о вовлечении не только в хозяйственную деятельность семьи (Недетское детство... 2018: 47), но и в общественное производство (ПМА 2016: Муртазина (Хайруллина); Живая память 2015: 101, 107). Особо тяжелой была работа подростков на быках, полностью заменивших лошадей во многих деревнях. На них пахали, сеяли, использовали как транспортное средство (ПМА 2018: Кусакин; Живая память 2013: 175–176). «Конечно, не оставались мы в стороне и от помощи родителям по дому. По мере сил участвовали и в колхозных делах, например, в уборке урожая – собирали колоски. Тогда урожаи были не очень высокие, каждое зерно на вес золота. Надо сказать, что эта работа была для нас довольно неприятная. Ведь у многих из нас обуви летней не было (а если и была – берегли ее), бегали, как правило, летом босиком, поэтому на скошенном поле натирали ноги до крови. Некоторые из нас, наиболее крепкие ребята, работали даже помощниками комбайнеров и шоферов» (Недетское детство 2018: 51). Уже после войны, А.В. Фокин, потерявший отца на фронте, также начал рано помогать семье: «На пенсию за отца 392 рубля в месяц (булка хлеба стоила на рынке 10 рублей) прокормиться маме, мне с братом и няней – родственницей, эвакуировавшейся вместе с нами, было невозможно. Не случайно в 15 лет я начал подрабатывать на прессовании шерсти на базе заготовивсырья, потом все летние каникулы разгружал баржи» (Недетское детство 2018: 56).

Тяжелой была доля сельского учительства. Помимо преподавания в школе, учителя выходили на поля, работали вместе с колхозниками. «Они всеми своими силами старались облегчить трудную жизнь колхозников. Организовывали концерты. Ставили спектакли. Мы, их дети, на концертах пели песни, декларировали стихи» (Тагиров 2016: 11).

Досуговая практика горожан и сельчан в годы войны разительно отличалась. В городах, судя по воспоминаниям и рассказам информантов, было больше возможности попасть в кино. Н.А. Буко, приехавшая в Ка-

заны в эвакуацию из Ленинграда, вспоминала: «Бабушка, большая любительница театра и кино, находила возможность сводить нас, детей, в кино-театр на ул. Баумана. Мы смотрели «Багдадский вор», «Маугли», Бемби». Это были не только звуковые, но и цветные фильмы, которые нам очень нравились. А в театр мы ходили на «Финист – ясный сокол». Бабушка брала с собой и моих подружек, Валушу то точно. Катю не помню, но Валушу мы всегда брали с собой» (Дети в условиях эвакуации 2013: 361). Ее подруга, жительница г. Казани Е.П. Седлецкая, делясь о своем военном детстве и о своих впечатлениях от театра, рассказывала: «И я ходила. Это был Качаловский театр, бельэтаж. Я первый раз тогда вообще в театре была. Мы все были в восторге от этой постановки» (ПМА 2013: Седлецкая). Евгения Петровна, младшая сестра Е.П. Седлецкой, помнит, как поднималась на второй этаж, где жили Нина с бабушкой (девочки так и обрелись к ней – «бабушка»). Она угощала их сахаром с вареным молоком. Запомнились ей и щипчики для сахара.

Семейная реликвия Н.А. Буко времен войны.
Санкт-Петербург, 6 декабря 2012 г. Фото И.И. Ханиповой

Впечатленные постановками дети потом не раз ставили спектакли во дворе для взрослых и детворы со всех соседних домов – «Ревизора», басни Крылова и др. (Дети в условиях эвакуации 2013: 360–361).

Дом в Казани, где проживала в эвакуации Н.А. Буко, и во дворе которого Нина с сестрами Седлецкими ставили домашние спектакли.
Казань, 1 февраля 2013 г. Архив И.И. Ханиповой

В деревнях же и селах основным видом досуга были концерты художественной самодеятельности и вечера в клубах. В народной памяти сохранились песни военных лет, практически незнакомые современным поколениям. Анна Алексеевна, уроженка ст. Шемордан Сабинского района 1932 г.р. вспоминала: «У нас был кружок художественной самодеятельности. Павел Александрович был у нас художественный руководитель. Он на фронте был, с фронта пришел, раненый. Вот он стал у нас физкультуру в школе вести. Организовал кружок художественный самодеятельности. Хор у нас был, в клубе выступали в праздники. В Октябрьскую выступали, физкультуру делали. И хор у нас все пел песни военные. Павел Александрович нас научил песню «Артиллеристы» петь. У меня голос хороший был, я тогда запевала была. На концерт жители приходили. Много приходило, и молодые, и пожилые. Клуб был большой у нас в Шемордане. Много приходило людей, а мы – дети, выступали» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Удивительно, но до сих пор в памяти пережившей войну женщины сохранилась песня, которую они исполняли в редкие часы досуга всей деревней:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Мы в смертный бой идем за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.
Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!

Из многих тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! Огонь! (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Текст «Марша артиллеристов», написанного в 1943 г. и сразу же получивший всенародную известность, после войны неоднократно менялся по политическим соображениям, но А.А. Орлова (Степанова) спела нам его таким, каким пела и запомнила ребенком, в первоначальном варианте.

Интервью с А.А. Орловой (Степановой) 1932 г.р.
Юдино, 29 января 2021 г. Архив И.И. Ханиповой

«Около железной дороги клуб был у нас в Шемордане. Каждое воскресенье были танцы. Война. В те годы девушки 1923–1925 г.р. проводили своих ребят в армию. Они собирались на танцы возле клуба, и все пели эту песню. Мы маленькие были. Но я быстро выучила эту песню и потом тоже мы пели ее. Они-то на 8 лет старше нас. Это их любимая песня была.

Вечер опустился светло-синей дымкой
Солнышко за лесом скрылося давно.
Бережком холмистым ехали танкисты
На ночёвку в ближнее село.
Молодых танкистов девушка встречала:
«Не видали, хлопцы, моего дружка?
Паренёк плечистый, всех он голосистей,
Крепко бьёт в сражении врага!»
Хлопцы отвечали: «Все мы здесь плечисты,
Все мы голосисты, крепко бьём врага!

Парни боевые, хлопцы удалые
Выбирай из нас себе дружка!»
Девушка смутилась: что же ей ответить?
Посмотрела вдаль и видит: вдоль реки
Едет Ваня милый ей платочком рукою машет,
Орден красновзвездный на груди!
Ночку просидели на скамье садовой.
Парень говорил, заглядывал в глаза:
«Жди меня, родная, не забудь Ванюшу,
Стройная берёзонька моя!».
На рассвете хлопец с милой распрощался.
Уходили танки за речкой вдалеке.
Девушка стояла, взглядом провожала.
Вслед махала ласково платком» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)).

Эта песня военных лет когда-то исполнялась по всей стране. Сегодня она практически никому неизвестна. Иная, чем спела Анна Алексеевна, вариация текста опубликована в сборнике народных песен Великой Отечественной войны, собранных у старожилов Пермской области (Нас не люди разлучили 2005).

Коллектив интерната Ленинградского дома журналистов № 18, размещенного в с. Тихоново Бондюжского (совр. Менделеевского) района Татарстана, даже в условиях эвакуации умудрялся организовывать праздники, литературные карнавалы, ставил спектакли и пьесы – «Русские люди», «Без вины виноватые». Воспитанники играли настолько талантливо, что их приглашали выступать в район и другие интернаты (Хадиуллина 2009: 100–103, 112).

Особую значимость для исследователей, занимающихся историей советского детства, представляют игры и игрушки детей военного времени. «Когда маленькие были мы как играли – в третий лишни, в лапту играли, скакали, играли в классики, скакалки прыгали. Куклы самодельные были. Шили тогда. Кукол то не было. Бабушки шили тогда, сошьют нам из тряпочек куклу, вот и играем» (ПМА 2021: Орлова (Степанова)). «Были в то время и свои мальчишеские игры: «махнушка», карты, шахматы, футбол, коньки и лыжи... В футбол играли старыми консервными банками, редко находился мяч. Тогда шли на луга, за вокзалом и играли двор на двор...» (Литвин 2013: 30). О «махнушке» рассказывал и Г.К. Будников: «В школе я впервые познакомился со свинцом. Тогда распространенной была игра в «махнушку» – подбивание тыльной стороной стопы распушенного клока шкуры барана с прикрепленным снизу кусочком свинца. Соревновались – кто сколько ударит. Родители запрещали мне эту игру, в основном по причине ее никчемности» (Живая память 2015: 84). Как писал Василий Аксенов, это была «странная игра военных лет, странный спорт. Она пропала вместе с войной, и нигде и никогда после я не видел детей и подростков,

подбивающих сапогом кусок собачьей шерсти, утяжеленный свинцовой plombой» (Аксенов).

Вспоминая о школе, совместных играх местных и эвакуированных, Н.А. Буко рассказывала: «В школу пошла с удовольствием, интересно же там. Мы познакомились с Катей уже в школе. Парты были черные, высокие, откидывались такие верхушечки, крышечки, и тут такие диванчики со спиночкой. В классе было много народу... В классе были всякие дети, и ленинградские, и казанские, и мальчишки, и девчонки, все вместе. Вот я помню, что Рустемка сидел сзади... Мы все дружили, и в «Штандр» играли на поляне. Ну не поляне, там такая площадка была» (ПМА 2012: Буко).

Горькой потерей для девочки из с. Печищи Верхнеуслонского района стала самодельная кукла, украденная 14-летним подростком-попрошайкой. «В то время у детей не было игрушек. И мама попросила моих старших сестер сшить мне тряпичную куклу. Когда кукла была готова, она села за швейную машинку и сшил ей платье. Я была так рада! Ведь у моих подружек и такой игрушки не было. Однажды я была дома одна и играла с куклой. Пришел нищий. Я кинулась собирать милостыню. Нашла хлеб, картошку, два яйца... Он убежал, прихватив и мою игрушку. Ох и плакала я в тот день! Куклу мне больше не сшили» (Музей детства 2011: 127). Такой же потерей на всю жизнь стала пропажа кукол для сестренок Токаревых, отданных уходившим на фронт отцом в Долгополянский детский дом. Вспоминая отца, стоявшего на снегу почти босиком, без привычных сапог и протягивавшего дочерям фабричных кукол в матросской форме, в тельняшках и бескозырках, В.Е. Цыганова (Токарева) описывала какое неизгладимое впечатление на детей, вообще никогда не имевших игрушек, произвели эти куклы (Письмо 2008).

На основе анализа материалов устной истории – собранных в ходе многолетних интервью у жителей Республики Татарстан, очевидцев событий периода Великой Отечественной войны, автор пришел к выводу, что у деревенских детей практически не было фабричных игрушек, все они являлись самодельными. Тем уникальнее оказался эпизод воспоминаний Р.Н. Паленовой: «Шла война. Мне было 7 лет, жили мы в деревне. Нечего надеть, нечего есть – какие уж тут игрушки! А играть хотелось. Камушек найдешь красивый – уже игрушка. Самая интересная игрушка тех лет – кусочек стекла (для нашей деревни это была редкость). Осколок переливался на солнце всеми цветами радуги, им можно было пускать солнечного зайчика. Однажды мама принесла мне настоящую куклу: алебастровая голова, тряпичное туловище. Я была самой счастливой девочкой на свете! Туловище моей Ляльки хрустело от туго набитой соломы, а голова клонилась набок от тяжести алебаstra. Но все равно она казалась мне живой. Это была моя первая и, разумеется, самая красивая кукла на свете!» (Музей детства 2011: 100–101). Скорее всего, эта ситуация иллюстрирует приведенную выше практику обмена вещей горожан на продукты у деревенских жителей и таким образом объясняют появление куклы у деревенской девочки.

Деревенские жители часто рассказывали, что сами мастерили себе игрушки: «Об игрушках мы даже не мечтали. Всё, без чего не могли обойтись в детских забавах, мастерили сами» (Недетское детство 2018: 55). О том, как мальчишки мастерили с помощью старших ребят самокаты или просто катали по мостовым старые обручи от бочек, вспоминали и горожане (Музей детства 2011: 8). «Самой любимой игрушкой был деревянный солдат, которого мы сделали сами. Мы его выставляли каждый вечер во двор и называли нашим охранником и защитником» (Живая память 2015: 112). О совсем не девчачьих играх – раме от старого трактора, завладевшего сердцами деревенских мальчишек и девчонок воображаемого голубого «ЧТЗ» (так называли в народе трактора Челябинского тракторного завода – *И.Х.*), с настоящим, правда сломанным рулем поведала Г.З. Батршина 1936 г.р. (Музей детства 2011: 101–102).

В нарративах, описывавших военное время, встречаются эпизоды, раскрывающие психологические аспекты детства. В условиях войны многое, на сегодняшний день вызывающее оценочно-отрицательную реакцию, воспринималось как данность. К примеру, в рассказе Ф. Зариповой, чьи родители работали и вынуждены были оставлять с трехлетнего возраста ребенка дома одного, нет страха одиночества. «Квартира была крохотной, 5 метров – окно да кровать. Я часто смотрела в окно. По полу бегали мыши. Мама оставляла мне еду, а я делила ее с мышами. Они были такие маленькие, красивые и совершенно меня не боялись. Я тоже их не боялась, думала: «Вот какие интересные игрушки!». Каждый день разговаривала с мышками, и мне казалось, что мы хорошо понимаем друг друга» (Музей детства 2011: 101).

Самоотверженный труд матерей, старших братьев и сестер понимался и воспринимался детьми военной поры как разумеющаяся данность. «Мама была примером для нас и для всех соседей! Она учила нас терпению, а еще никогда не брать чужого, помогать тем, кто нуждается, не сквернословить, учиться, трудиться» (Недетское детство 2018: 38).

Самыми страшными, на наш взгляд, свидетельствами о годах военного лихолетья, стали эпизоды о смерти детей, родных или сверстников (Музей детства 2011: 129, 130; Живая память 2013: 110, 124). Ф.Т. Шакирова 1939 г.р., уроженка Балтасинского района, вспоминала: «В 1942 году у мамы родились двойняшки, сын и дочь, но они умерли. Мама со стариком Аухади абыем выкопала могилу, и сама похоронила своих детей. Это страшно себе представить!!!» (Недетское детство 2018: 68).

Материалы устной истории содержат факты о том, что многие, приехавшие в эвакуацию в ТАССР, после войны остались жить в Казани (ПМА 2013: Барон; Живая память 2013: 102–104; Живая память 2015: 54 и др.). Иные же уехали, ни разу не вернувшись в город и оставив о нем лишь воспоминания военного детства (ПМА 2012: Буко).

Учитывая уход вслед за эпохой очевидцев и современников Великой Отечественной войны, отметим важность аккумуляции воспоминаний о событиях тех времен, в т.ч. и путем инициативного документирования, позво-

ляющих сохранить глубину горизонтов исторической памяти и несущих не только фактологическую, но и оценочную информацию. Воспринимая память как некую особую форму проработки жизненных историй и в то же время как «действенный инструмент формирования коллективной идентичности, основанной на исторической ответственности и этике прав человека» (Эрлих 2016: 28), сделаем вывод о значимой роли материалов устной истории и этнодокументального массива в сохранении свидетельств о войне.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Аксенов – Аксенов В. На площади и за рекой. <https://www.litres.ru/vasiliy-aksenov/na-ploschadi-i-za-rekoj/chitat-onlayn/> (Дата обращения 24.01.2021).

Давыдов 2013 – Давыдов Г.М. Слезы радости Победы и потери близких сливались вместе... // Молодой строитель. 2013. №1. https://museum.kgasu.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=398:2015-02-24-13-27-01&catid=2:2013-02-11-09-00-17&Itemid=3 (Дата обращения 14.01.2021).

Воспоминания – Воспоминания Л.Ф. Горбачевой о буднях эвакогоспиталя № 3645. Сер. 1990-х гг. // Личный архив Л.Ф. Горбачевой.

Живая память 2013 – Живая память. Воспоминания детей войны / сост. В.Ф. Телишев; ред. В.С. Маркелов, Ю.В. Жиглий, Д.Э. Рахимова. Казань: Изд-во Казан. федерал. ун-та, 2013.

Живая память 2015 – Живая память. Воспоминания участников, ветеранов и детей войны / сост. и гл. ред. В.Ф. Телишев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015.

Когда мы были 2013 – Когда мы были на войне... Воспоминания о Великой Отечественной войне. Казань: Изд-во Казанск. гос. арх.-строит. ун-та, 2013.

Музей детства 2011 – Музей детства в Казани: истории об играх и игрушках в Татарстане / авт. идеи и сост. В. Якупова. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011.

Нас не люди разлучили 2005 – Нас не люди разлучили, разлучила нас война. [Ноты]: народные песни Прикамья / сост. Ж.Г. Никулина. Пермь: Пушкина, 2005.

Недетское детство 2018 – Недетское детство (воспоминания сотрудников Аппарата Президента Республики Татарстан, детство которых овеяно войной). Под редакцией И.В. Терентьевой. Казань: Информационно-издательский центр, 2018.

Письмо 2008 – Письмо В.Е. Цыгановой (Токаревой), 1934 г.р., воспитанницы Долгополянского и Кураловского детских домов. 8 января 2008 г. // Архив М.Н. Ивановой.

ПМА 2021 – ПМА. Интервью с Анной Алексеевной Орловой (Степановой), 18 мая 1932 г.р., уроженки ст. Шемордан Сабинского района Татарской АССР. 2 февраля 2021 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2018 – ПМА. Интервью с Виктором Васильевичем Кусакиным, 10 октября 1930 г.р., уроженцем г. Елабуги ТАССР, 23 февраля 2018 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2013 – ПМА Интервью с В.И. Веревкиной, уроженкой р.п. Бондюга (совр. Менделеевск). 18 февраля 2013 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА – ПМА. Интервью с Гульнаррой Сайфельхановной Хаковой, 29 сентября 1949 г.р., уроженкой с. Апазово Кзыл-Юльского (совр. Арского) района ТАССР // Личный архив И.И. Ханиповой.

Ханипова И.И. Великая Отечественная война в памяти народа: потенциал источников личного происхождения и материалов устной истории

ПМА 2013 – ПМА. Интервью с Екатериной Степановной Седлецкой, уроженки г. Казани Татарской АССР. 1 февраля 2013 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2013 – ПМА. Интервью с Леонидом Абрамовичем Бароном, уроженцем г. Винницы, декабря 1939 г.р. 26 февраля 2013 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2016 – ПМА. Интервью с Мунавирой Сунгатовной Муртазиной (Хайруллиной), 1930 г.р., уроженкой д. Уразино Камско-Устьинского района ТАССР. 9 мая 2016 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

ПМА 2012 – ПМА. Интервью с Ниной Александровной Буко, уроженкой г. Ленинграда. 6 декабря 2012 г. // Личный архив И.И. Ханиповой.

Хадиуллина М.А. Невыдуманные истории детей блокады и тихоновцев: сборник воспоминаний. Менделеевск: [б/и], 2009.

Этот день мы приближали 2010 – Этот день мы приближали, как могли! Казань: Книга памяти, 2010.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дементьев И.О. Что такое историческая память? Рец.: Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. // Историческая экспертиза. 2019. №2 (19). С. 206–218.

Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов / сост. И.И. Ханипова, Е.Г. Кривоножкина. Казань: ГАУ при КМ РТ, 2013.

Ечевская О.Г. «Свобода в вещах» или «свобода от вещей»: значения вещей в практиках повседневной жизни // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. / отв. ред. О.Г. Ечевская. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 49–66.

Кабирова А.Ш. Воспоминания ветеранов как источник по изучению организации труда и быта военного поколения 1941–1945 гг. (на примере Татарской АССР) // Народы Татарстана в годы Великой Отечественной войны: сборник статей / под ред. Р.В. Шайдуллина. Казань: ИТЭР АН РТ, 2018. С. 235–242.

Кабирова А.Ш. Балачакның кунел сандыгы (Кладезь воспоминаний) // Әрнүле балачак. Сугыш чоры балалары истәлекләре (Воспоминания детей войны). Казань: Школа, 2014. С. 7–11.

Литвин А.Л. Жизнь как выживание. Воспоминания и размышления о прошлом. М.: Собрание, 2013.

Олик Дж.К. «Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Историческая экспертиза. 2018. №4 (17). С. 22–49.

Савельева И.М. Перекрестки памяти // Хаттон П. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Фонд «Университет»: Владимир Даль, 2003.

Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

Тагиров И.Р. По жизненному пути. М.: Собрание, 2016.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-istoricheskaya-pamyat.html> (Дата обращения 30.01.2021).

Ханипова И.И. «...Я обязан писать и рассказать все, что знаю, рассказать и писать просто, без прикрас, ничего не преувеличивая, ничего не скрывая...» («Записки партизана» М.Г. Салихова как исторический источник) // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне / под общей ред. В.А. Лабузова. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2015. С. 374–376.

Ханипова И.И. «Я красный партизан, даю клятву перед Родиной и своими товарищами...» (Из воспоминаний М.Г. Салихова о партизанском движении на территории западной Украины) // Великая Победа: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Минск, 14–15 мая 2015 г. / ред. кол.: В.И. Адамушко и др. Минск: А.Н. Варакин, 2015. С. 265–276.

Эрлих С.Е. Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив // Историческая экспертиза. 2016. №3 (8). С. 11–32.

Сведения об авторе: Ханипова Ильнара Ильдусовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, и.о. заведующей отделом новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ihanipova@mail.ru

Поступила 24.02.2021

Принята к публикации 22.03.2021

Опубликована 21.04.2021

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN PEOPLE'S MEMORY: POTENTIAL OF PERSONAL ORIGIN SOURCES AND MATERIALS OF ORAL HISTORY

I.I. Khanipova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
ihanipova@mail.ru*

Developing the problem of the formation and representation of the past, the mechanisms of memory transformation of past events both in individual and collective consciousness, modern researchers are paying more and more attention to the materials of oral history. The article analyzes the importance of oral history materials and documents of personal origin in the study of the Great Patriotic War history.

The author believes that proactive documentation is an indispensable source for writing history in the “human dimension” and an excellent opportunity to commemorate memorable events of the war. Reflecting the individuality of storytellers, their cultural values and world outlook / worldview, as well as specific historical conditions that have formed individual views of the world, oral history materials demonstrate images and phenomena of the past that have become socially significant for certain generations, and carry factual and evaluative information. Through in-depth interviews with the participants of the events, the researcher actualizes personally significant and socially important memories, transforming them into cultural and historical values.

Considering the potential of these sources, the author identifies the main plotlines and themes that resonate with military issues; draws attention to the fact that they illustrate in detail the private world of a person. Due to natural departure of the Great Patriotic War eyewitnesses and contemporaries after the era, the author pays special attention to the accumulation and publication of memoirs that makes it possible to preserve the depth of historical memory horizons. Despite the common and different aspects in the structure and content of the constructed ideas about the war, she concludes that all materials of oral history are an important contribution to the preservation of the collective memory of the nation.

Keywords: Tatarstan, the Great Patriotic War, oral historical sources, ego-documents, historical memory, city, village, culture, children, the everyday lives of children

For citation: Khanipova I.I. Velikaya Otechestvennaya voyna v pamyati naroda: potentsial istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya i materialov ustnoy istorii [The Great Patriotic War in People's memory: potential of personal origin sources and materials of oral history]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 43–64. <https://doi.org/10.22378/he.2021-6-1.43-64>

REFERENCES

Dement'ev I.O. Chto takoe istoricheskaya pamyat'? Rets.: Safronova Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: uchebnoe posobie* [What is historical memory? Book review: Safronova Yu.A. Historical Memory: an Introduction]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2019, no. 2 (19), pp. 206–218. (In Russian)

Deti v usloviyakh evakuatsii. Tatarskaya ASSR. 1941–1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov [Children in the Conditions of Evacuation. Tatar ASSR. 1941–1945. Collection of documents and materials. Compiled by I.I. Khanipova, E.G. Krivonozhkina]. Kazan: Chief Archive Directorate at RT CM, 2013. 416 p. (In Russian)

Echevskaya O.G. “Svoboda v veshchakh” ili “svoboda ot veshchey”: znacheniya veshchey v praktikakh povsednevnoy zhizni [“Freedom in Things” or “Freedom from Things”: the Meanings of Things in Everyday Life Practices]. *Lyudi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture*. Novosibirsk: Novosib. State University Publ., 2005, pp. 49–66. (In Russian)

Erlikh S.Y. Global'naya pamyat' informatsionnogo obshchestva: etika, identichnost', narrativ [The Global Memory of the Information Society: Ethics, Identity, Narrative]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2016, no. 3 (8), pp. 11–32. (In Russian)

Kabirova A.Sh. Vospominaniya veteranov kak istochnik po izucheniyu organizatsii truda i byta voennogo pokoleniya 1941–1945 gg. (na primere Tatarskoy ASSR) [Memoirs of Veterans as a Source for Studying the Organization of Labor and Life of the War Generation 1941–1945 (on the example of the Tatar ASSR)]. *Narody Tatarstana v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Ed. by R.V. Shaydullin. Kazan: ITER AN RT Publ., 2018, pp. 235–242. (In Russian)

Kabirova A.Sh. Balachaknyñ küñel sandygy (Kladez' vospominaniy) [A Storehouse of memories]. *Ärnüle balachak. Sugysh chory balalary istälekläre (Vospominaniya detey voyny)*. Kazan': Shkola Publ., 2014, pp. 7–11. (In Tatar)

Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and Historical Memory]. *Neprikosnovennyu zapas*, 2005, no. 2–3 (40–41). (In Russian) Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 30.01.2021).

Khanipova I.I. «...Ya obyazan pisat' i rasskazat' vse, chto znayu, rasskazat' i pisat' prosto, bez prikras, nichego ne preuvelichivaya, nichego ne skryvaya...» («Zapiski partizana» M.G. Salikhova kak istoricheskiy istochnik) [“... I must write and tell about everything I know, tell and write simply, in true colours, without exaggeration and reservation...” (M.G. Salikhov’s “Partisan Notes” as a Historical Source)]. *Podvigi sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Orenburg: OGAU Publishing Center, 2015, pp. 374–376. (In Russian)

Khanipova I.I. «Ya krasnyy partizan, dayu klyatvu pered Rodinoy i svoimi tovarishchami...» (Iz vospominaniy M.G. Salikhova o partizanskom dvizhenii na territorii zapadnoy Ukrainy). [“I’m a red partisan. I take an oath in front of the Motherland and my comrades...” (From M.G. Salikhov’s memories about the partisan movement on the Western Ukraine territory)] *Velikaya Pobeda: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne*. Minsk: A.N. Varaksin Publ., 2015, pp. 265–276. (In Russian)

Litvin A.L. *Zhizn' kak vyzhivanie. Vospominaniya i razmyshleniya o proshlom* [Life is like Survival. Memories and Reflections about the past]. Moscow: Sobranie Publ., 2013. (In Russian)

Olik Dzh. K. “Pamyat' – eto ne veshch' i ne predmet. Pamyat' – eto nepreryvnyy protsess”. Interv'yu s Dzh. K. Olikom [“Memory is not a thing or an object. Memory is an ongoing process.” Interview with J.K. Olik]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no.4 (17), pp. 22–49. (In Russian).

Save'eva I.M. Perekrestki pamyati [Memory Crossroads]. Khatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati*. St. Petersburg, “Universitet” Fund: Vladimir Dal Publ., 2003.

Safronova Yu.A. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie* [Historical Memory: Introduction]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2019. (In Russian)

Tagirov I.R. *Po zhiznennomu puti* [Along the Path of Life]. Moscow: Sobranie Publ., 2016. (In Russian)

About the author: Ilnara I. Khanipova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Acting Head of the Department of Contemporary History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ihanipova@mail.ru

Received February 24, 2021

Accepted for publication March 22, 2021

Published April 21, 2021